

«Нищета — это порок» и «Кому на Руси жить хорошо»: несправедливость и сострадание у Некрасова и Достоевского

Капилупи С.М.

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
(СПбГЭТУ «ЛЭТИ»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

Исторический и герменевтический диалог между Некрасовым и Достоевским приобретает особое значение как возможность нового диалога между верующими и неверующими, что необходимо для общего социального и культурного развития. Некрасов был на самом деле верующим христианином, но он получил большой резонанс в советском образовании как носитель светских идеалов. Его новое рассмотрение сегодня, после религиозного ренессанса российской культуры, представляет собой интересную и перспективную задачу. В тоже время вопрос о «эсхатологическом антиномизме» у Достоевского оказывается решительным также в этом контексте: необходимость освящения страдания и необходимая надежда на его преодоление представляют собой две стороны одного онтологического и гносеологического парадокса, всегда действительного так для всех христиан, как и для всех мыслителей, озабоченных общими человеческими судьбами.

Ключевые слова: диалог, Некрасов, Достоевский, страдание, несправедливость, народ, герой, вера.

Для цитаты: Капилупи С.М. «Нищета — это порок» и «Кому на Руси жить хорошо»: несправедливость и сострадание у Некрасова и Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 4. С. 4–9. DOI:10.17759/langt.2021080401

«Misery is a Vice» and «Who is Happy in Russia?»: Injustice and Compassion in Nekrasov and Dostoevsky

Stefano Maria Capilupi

Saint Petersburg Electrotechnical University, Saint Petersburg, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

The historical and hermeneutic dialogue between Nekrasov and Dostoevsky acquires special significance as an opportunity for a new dialogue between believers and non-believers, which is necessary for general social and cultural development. Nekrasov was actually a believing Christian, but he received a lot of resonance in Soviet

education as a bearer of secular ideals. His new consideration today, after the religious renaissance of Russian culture, is an interesting and promising task. At the same time, Dostoevsky's question of «eschatological antinomianism» turns out to be decisive also in this context: the need to sanctify suffering and the necessary hope for its overcoming are two sides of the same ontological and epistemological paradox, which is always valid for all Christians as well as for all thinkers, preoccupied by common human destinies.

Keywords: dialogue, Nekrasov, Dostoevsky, suffering, injustice, people, hero, faith.

For citation: Capilupi S.M. «Misery is a Vice» and «Who is Happy in Russia?»: Injustice and Compassion in Nekrasov and Dostoevsky. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021. Vol. 8, no. 4, pp. 4–9. DOI:10.17759/langt.2021080401 (In Russ.).

Ф. М. Достоевский написал целую главу о Некрасове сразу после его смерти, в «Дневнике писателя» (1877 г., Декабрь, Глава вторая): «Мне дорого, очень дорого, что он “печальник народного горя” и что он так много и страстно говорил о горе народном, но еще дороже для меня в нем то, что в великие, мучительные и восторженные моменты своей жизни он, несмотря на все противоположные влияния и даже на собственные убеждения свои, преклонялся перед народной правдой всем существом своим, о чем и засвидетельствовал в своих лучших созданиях (...) ... у него была своя, своеобразная сила в душе, не оставлявшая его никогда, — это истинная, страстная, а главное, непосредственная любовь к народу. Он болел о страданиях его всей душой, но видел в нем не один лишь униженный рабством образ, звериное подобие, но смог силой любви своей постичь почти бессознательно и красоту народную, и силу его, и ум его, и страдальческую кротость его и даже зачастую уверовать и в будущее предназначение его. О, сознательно Некрасов мог во многом ошибаться. Он мог воскликнуть в недавно напечатанном в первый раз экспромте его, с тревожным укором созерцая освобожденный уже от крепостного состояния народ: “...Но счастлив ли народ?”» (3, т. 26, с.117-119).

Об образе избитой лошадки - метафора страдания и смирения самых невинных и невластных, взятом из стихотворения Некрасова «До сумерек» и присутствующем в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы», тоже стоит всегда задуматься.

На мой взгляд, в российском современном контексте исторический и герменевтический диалог между Некрасовым и Достоевским приобретает особое значение как возможность нового диалога между верующими и неверующими, что необходимо для общего социального и культурного развития. Некрасов получил большой резонанс в советском образовании. Его новое рассмотрение сегодня, после религиозного ренессанса российской культуры, представляет собой интересную и перспективную задачу.

Пророчески герой Достоевского Иван Карамазов говорит о переходе, в дальнейшем пережитом важной частью интеллигенции Серебряного века русской диаспоры, от человеческой утопии социализма и прогресса к идее воскресения, обещанного религией: «А если к тому часу буду уже мертв, то пусть воскресят меня, ибо если всё без меня произойдет, то будет слишком обидно. Не для того же я страдал, чтобы собой, злодействами и страданиями моими унавожить кому-то будущую гармонию. Я хочу видеть своими глазами,

как лань ляжет подле льва, и как зарезанный встанет и обнимется с убившим его. Я хочу быть тут, когда все вдруг узнают, для чего всё так было. На этом желании зиждутся все религии на земле, а я верую» (3, т. 14, с. 308).

Социализм, если он противостоит религии или развивается без уважения к свободе, становится только оправданием общественной зависти. Но и религия без внимания к проблеме социальной справедливости теряет многое. Да, есть известное письмо Достоевского В. Ф. Алексееву 7 июня 1876, написанное писателем именно для того, чтобы объяснить суть романа «Братья Карамазовы», в котором Федор Михайлович утверждает, что отказ от Христа есть отказ от красоты, и что человек живет красотой, прежде чем хлебом. В том же письме Достоевский утверждает, что, даже если дать человеку и хлеб и красоту, то и тогда это все-таки не то, что Бог задумал для него, потому что в этих условиях не будет у человека труда и поиска ради красоты, не будет веры. Именно на перспективе дать человеку и красоту и хлеб Великий Инквизитор утверждает свою власть. Однако все это еще не значит, что христианское спасение оправдывает или даже требует наличия нищеты. На этот счет всегда полезно будет цитировать Бердяева: «Вопрос о хлебе для меня есть вопрос материальный, но вопрос о хлебе для моих ближних, для всех людей, есть духовный. «Не о хлебе едином жив будет человек», но также и о хлебе, и хлеб должен быть для всех. Общество должно быть организовано так, чтобы хлеб был для всех и тогда именно духовный вопрос предстанет перед человеком во всей своей глубине. Недопустимо основывать борьбу за духовные интересы и духовное возрождение на том, что хлеб для значительной части человечества не будет обеспечен. Это цинизм, справедливо вызывающий атеистическую реакцию и отрицание духа. Христиане должны проникнуться религиозным уважением к элементарным, насущным нуждам людей, огромной массы людей, а не презирать эти нужды с точки зрения духовной возвышенности» (1, с. 150-151).

Крик Великого Инквизитора перед голодом людей есть также каким-то образом крик многих русский мыслителей и самого русского народа перед нищетой массы своей страны. Вспомним слова Мармеладова из романа «Преступление и наказание»: «Милостивый государь, - начал он почти с торжественностью, - бедность не порок, это истина. Знаю я, что и пьянство не добродетель, и это тем паче. Но нищета, милостивый государь, нищета – порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было; и справедливо, ибо в нищете я первый сам готов оскорблять себя. И отсюда питейное!» (3, т. 6, с. 13).

Достоевский был пророком, это бесспорно, но всякий пророк обращается к своему народу, прежде чем возвестить что-то другим. И задача народа – слушать своего пророка. Вспомним слова Алеши Карамазова в главе «Кана Галилейская»: «Сотворите... Радость, радость каких-нибудь бедных, очень бедных людей... Уж конечно бедных, коли даже на свадьбу вина не достало... Вон пишут историки, что около озера Генисаретского и во всех тех местах расселено было тогда самое беднейшее население, какое только можно вообразить... И знало же другое великое сердце другого великого существа, бывшего тут же, Матери Его, что не для одного лишь великого страшного подвига своего сошел Он тогда, а что доступно сердцу Его и простодушное немудрое веселие каких-нибудь темных, темных и не хитрых существ, ласково позвавших Его на убогий брак их. “Не пришел еще час Мой”, Он говорит с тихою улыбкой (непременно улыбнулся Ей кротко)... В самом деле, неужто для

того, чтоб умножать вино на бедных свадьбах, сошел Он на землю? А вот пошел же и сделал же по Ее просьбе...”» (3, т. 14, с. 326). Видно тут, как горизонт радости светит в итоге выше, чем необходимость и достоинство страдания.

В поэме «Тишина» (1856-1857 гг.) Некрасов впервые с надеждой и доверием обратился к народу. Как правильно заметил Юрий Владимирович Лебедев (4), русская родина в поэме воплощается в коллективной личности народа-героя, создателя и творца русской истории. В поэме звучит вера Некрасова в народные силы, в способность русского мужика быть героем национальной истории. Но видит он этот героизм не в революционном бунтарстве, а в христианском подвижничестве. Народ в «Тишине» предстает героем в “терновом венце”, который, по словам поэта, “светлее победоносного венца”. Светлее потому, что это героизм духовный, осененный образом Христа, увенчанного колючими терниями, принявшего страдания во имя спасения людей: «Храм воздыханья, храм печали — / Убогий храм земли твоей: / Тяжеле стонов не слышали / Ни римский Петр, ни Колизей! / Сюда народ, тобой любимый, / Своей тоски неодолимой / Святое бремя приносил — / И облегченный уходил!» (5, с. 52).

Еще Ю. В. Лебедев верно подчеркнул, как вернувшийся из ссылки герой поэмы «Дедушка» сказал: «Днёсь я со всем примирился, что потерпел на веку!» (5, с. 111). Христианское смирение не означает примирения со злом, а, наоборот, утверждает открытую и честную борьбу с ним. Но христианское сопротивление мирскому злу начисто исключает личную вражду (4).

Бердяев писал: «У Достоевского было двойственное отношение к страданию» (2, с. 399). Это мы называем «эсхатологический антиномизм». С одной стороны, человек, именно в силе христианской веры, имеет право страдание победить или, по возможности, максимально уменьшить. С другой стороны, ему необходимо благословение на страдание. Вот почему социалистические идеалы, хотя и берут свое начало в проповедях Ветхого и Нового Завета, часто противостоят религии. Религия – это попытка освящения мира. Это и есть освящение страдания. В религиозной практике каждый верующий получает святую печать на своё личное страдание. Социализм, как и многие утопии, может бороться со страданием, но не может страдание благословить. Благословить страдание – значит благословить личность. С этой антиномией человеческой природы необходимо смириться. Не забывая никогда, что «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» (3, т. 8, с. 192): это мысль князя Мышкина.

Поэму «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов пишет уже после отмены крепостного права (1866-1874). Но рабское положение настолько укоренилось в сознании народа, что он даже после освобождения не был свободным. Особенно Некрасов это раскрывает в Главе V “Помещик”, когда крестьяне отказываются садиться перед Оболт-Оболдуевым.

Образ Гриши Добросклонова имеет решающее значение для понимания этого произведения, хотя и над его “революционным” образом тоже ведутся споры. Добросклонов — это народный заступник, просветитель. В черновике Некрасов предрекал Грише тяжелую судьбу: «Ему судьба готовила / Путь славный, имя громкое / Народного заступника, / Чахотку и Сибирь» (5, с. 517), где четко прослеживается революционная, противоправительственная направленность действий. Но еще на начальном, цензурном этапе Некрасов зачеркнул эти строки. Но, возможно, поэт это сделал не только из

Капилуни С.М.
«Нищета — это порок» и «Кому на Руси жить хорошо»: несправедливость и сострадание у Некрасова и Достоевского
Язык и текст. 2021. Том 8. № 4. С. 4–9.

Capilupi S.M.
«Misery is a Vice» and «Who is Happy in Russia?»:
Injustice and Compassion in Nekrasov and Dostoevsky
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 4, pp. 4–9.

соображений цензуры, но и для того, чтобы сместить акцент, создать образ нового, молодого поколения. Некрасовский герой — сын бедного сельского дьячка. Будущее России Гриша связывает с православными идеалами нестяжательства и скромного достатка: «Мы же немного / Просим у Бога: / Честное дело / Делать умело / Силы нам дай! / Жизнь трудовая — / Другу прямая / К сердцу дорога, / Прочь от порога, / Трус и лентяй! / То ли не рай?» (5, с. 224-225). Хотя Некрасов отказывается от прямых сопоставлений Гриши с последователем Христа, он явно сакрализует образ героя, называя его “посланцем Божьим” с “печатью дара Божьего”, судьба его подобна комете — “падучей звезде”. Но круг героев расширяется, происходит качественное обновление, в него все более активно включаются выходцы из самого народа. Очень важной является песня Гриши Добросклонова “Русь”: «Ты и убогая, / Ты и обильная, / Ты и могучая, / Ты и бессильная, / Матушка Русь! / В рабстве спасенное / Сердце свободное — / Золото, золото / Сердце народное!» (5, с. 233-234).

В стихотворении «Еду ли ночью по улице темной...» находим тему самопожертвования. Мать, потерявшая сына, не может наскрести денег даже на «гробик ребёнку». Она находит способ эти средства добыть, хотя и не сразу решается к нему прибегнуть, да и после не спешит с «печальным признанием» в совершённом. Но лирический герой не осуждает поступка отчаявшейся женщины, называя её «друг беззащитный, больной и бездомный» (5, с. 62), ведь продать собственное тело её вынудила нищенская жизнь, нестерпимый голод и желание похоронить сына по-человечески.

Достоевский сказал о творчестве Некрасова: «Но прочтите эти страдальческие песни сами, и пусть вновь оживет наш любимый и страстный поэт! Страстный к страданью поэт!» (3, т. 25, с. 31).

Согласно универсальной и межконфессиональной христианской истине, именно страдание неожиданно обнаруживается в самом сердце Искупления и Обожения. Становление человека Богом (согласно патристике «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом») - это не идиллическое усовершенствование, а беспокойная и солидарная борьба за достоинство и освобождение братьев и самого мира. Страдание является частью Искупления из-за высшей страсти индивидуального освобождения от греха. Оно является также частью обожения из-за высшего сострадания всеобщей солидарности в творческом преобразовании человечества.

Литература

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. 1990. М.: Наука, 159 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. 2016. М.: Изд-во «Э», 512 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. 1972-1990. Ленинград: Наука.
4. Лебедев Ю.В. Христианские и фольклорные мотивы в поэзии Н. А. Некрасова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. Т. 22. № 4. С. 59-64. URL: https://vestnik.ksu.edu.ru/attachments/article/182/Vestnik_2016_4.pdf (дата обращения: 12.11.2021).
5. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. 1981–2000. Ленинград: Наука.

References

1. Berdyayev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. 1990. Moscow: Nauka, 159 p. (In Russ.).

Капилупи С.М.
«Нищета — это порок» и «Кому на Руси жить хорошо»: несправедливость и сострадание у Некрасова и Достоевского
Язык и текст. 2021. Том 8. № 4. С. 4–9.

Capilupi S.M.
«Misery is a Vice» and «Who is Happy in Russia?»: Injustice and Compassion in Nekrasov and Dostoevsky
Language and Text. 2021. Vol. 8, no. 4, pp. 4–9.

2. Berdyaev N.A. *Russkaya ideya. Mirosozertsanie Dostoevskogo*. 2016. Moscow: Publ. «E», 512 p. (In Russ.).
3. Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii v tridsati tomakh*. 1972-1990. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
4. Lebedev Yu.V. Khristianskie i fol'klornye motivy v poezii N. A. Nekrasova. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova=Vestnik of Nekrasov Kostroma State University*, 2016. Vol. 22, no. 4, pp. 59-64. Available at: https://vestnik.ksu.edu.ru/attachments/article/182/Vestnik_2016_4.pdf (Accessed 12.11.2021). (In Russ.).
5. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinei i pisem: in 15 vol.* 1981–2000. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

Информация об авторах

Капилупи Стефано Мария, кандидат философских наук, PhD филологических наук, доцент РХГА, СПбГЭУ и СПбГЭТУ «ЛЭТИ», предметный эксперт кафедры политической философии Римского государственного университета «Ла Сапьенца», Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

Information about the authors

Stefano Maria Capilupi, PhD in Philosophy and Philology, Assistant Professor of RHGA, Unecon and ETU “LETI”, Subject Expert at the Chair of Political Philosophy of University of Rome “La Sapienza”, Saint Petersburg Electrotechnical Univeristy, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

Получена 01.12.2021
Принята в печать 15.12.2021

Received 01.12.2021
Accepted 15.12.2021